

Руководитель Экспертного совета ЭИСИ Глеб Кузнецов: «У европейцев нет институциональной возможности противостоять повесткам элит». Беседа в рамках экспертного клуба «Платформа» в преддверии выборов в Европарламент.

Экспертный клуб «Платформа» – совместный проект ЦСП «Платформа» и РАСО.

Справка:

Глеб Кузнецов – политолог, член Российской ассоциации политических консультантов, руководитель экспертного совета ЭИСИ (Экспертного института социальных исследований).

Основная позиция спикера

Западное общество реагирует главным образом на картинку в СМИ: так это было во время пандемии Covid-19, так это происходит в случае российско-украинского конфликта.

Среди элиты нет проигравших. Она выступает из позиции «венчурного инвестора» – потеряно немного здесь, но получено больше прибыли – там. Страдают же в первую очередь частный мелкий и средний бизнес ряда отраслей и наемный персонал.

Массовый обыватель в целом проигрывает из-за экономических последствий конфликта, но у него нет возможности выразить свое недовольство. Инструментом лоббизма интересов проигрывающих социальных групп могли бы стать правые популисты, но их успешно блокирует политическая система Европы.

Элита шлет обществу «сигналы» через СМИ о том, что считает важным и интересным в этом сезоне – климат ли, терроризм ли, эпидемия ли или Украина, не важно. В классической политологии это называется «процессом согласования общественных интересов».

Картинка ушла – войны нет

Реакция западного общества на конфликт полностью модерируется медийно. И «шок первых месяцев» и дальнейшая коррекция нарративов вплоть до эйфории ожидания контрнаступления, военного поражения России и «хэппи-энда» реализовывались в рамках достаточно технологичных медийных кампаний с абсолютно одинаковыми сообщениями, таймингом и драматургией от Норвегии до Италии. «Хэппи-энда» как мы знаем не случилось и начиная с зимы 2024 обществу транслируется сопровождаемая картинками идея, что идет война на территории Европы, что у нее есть шансы добраться когда-нибудь до Севильи или Лиссабона. И поэтому нужно от всего отказаться, но

Украине срочно обеспечить победу. Иначе жители условной Севильи физически пострадают пусть не сегодня-завтра, но в горизонте «до 30-го года» точно.

Аналогичным образом все происходило в период пандемии COVID-19. Коронавирус существенно влиял на восприятие людей, пока они сидели на карантине, не могли выйти на улицу и их запугивали СМИ. Когда картинка сменилась, буквально как у Стругацких – «башни выключили» – жители вышли на улицы, начали проводить праздники и карнавалы, летать в отпуск на море и вообще забыли, что была пандемия.

Это очевидно ждет и украинскую историю. Признаков усталости от агрессивного освещения темы все больше. Чтобы очередной тезис «зашел» нужно громче и громче повышать голос – а ресурс влияния медиа не бесконечен.

Да, сначала это, действительно, был шок, нагнетаемый медиа, а потом восприятие меняется: есть война на Ближнем Востоке, на Гаити что-то происходит, в Авдеевке – европейцам нет разницы.

Элитная тема

Неравнодушной к конфликту на Украине сейчас остается разве что часть европейской интеллигенции – экзальтированный слой населения, который не равнодушен ни к одной мировой проблеме. Эти люди неравнодушны к улиткам, которые не могут перейти дорогу, следят за каждым словом Зеленского, волнуются по поводу климата или прав человека в Иране. Они формируют

«активистскую пехоту», к которой обращаются настоящие бенефициары конфликта – европейские чиновники и менеджеры крупных корпораций.

Роль Rheinmetall (немецкий концерн, один из крупнейших производителей военной техники и вооружения в Германии и в Европе, прим. ред.) аналогична роли Pfaizer в пандемию – приносить доход инвесторам, будучи объявленным спасителем мира на данный момент. Эти люди, очевидно, не заинтересованы в том, чтобы тема конфликта затухала.

Если наложить графики роста акций BioNTech (партнер Pfaizer по производству вакцины от коронавируса) в период пандемии на график роста Rheinmetall сейчас, то мы увидим почти тождественные траектории.

Фактически, «рыночная капитализация» управляется административно. При этом, когда администратор снимает номинацию «спасителя», капитализация возвращается к условной норме.

Для человека, инвестирующего в «спасителей» из позиции «администратора», это круче, чем любой биткоин для простых смертных. Именно поэтому цикл «угроза миру»- – бодрый коллективный ответ на нее так и понравился элитам.

Динамика акций компании BioNTech в период пандемии и котировок акций оружейной компании Rheinmetall до обострения конфликта на Украине и после

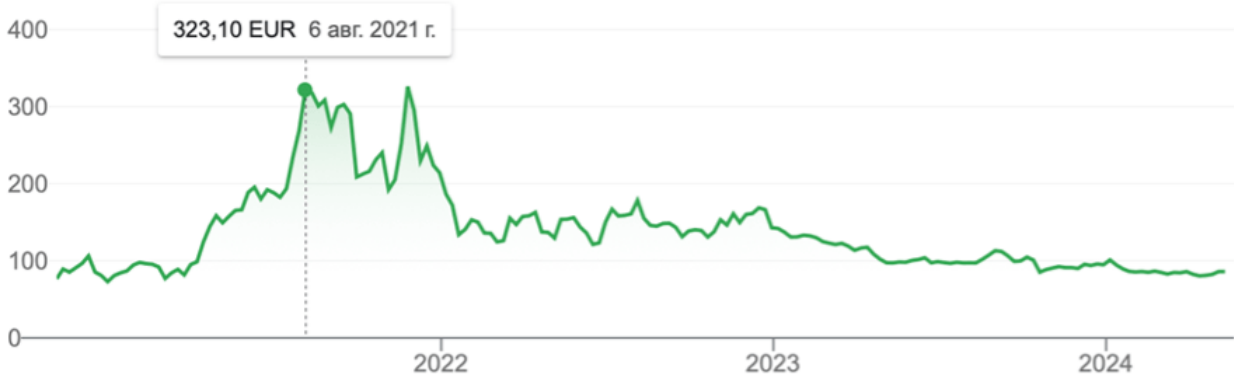
Котировки > BioNTech

86,10 EUR

+9,38 (12,23 %) ↑ за 5 лет

3 мая, 17:39 GMT+2 • Отказ от обязательств

1Д | 5ДН | 1МЕС | 6МЕС | С1ЯН | 1ГОД | **5ЛЕТ** | МАКС.

Открытие	86,25	Рын. кап.	22,04 млрд USD	52 нед. макс.	115,95
Максимум	87,00	Цена/приб.	-	52 нед. мин.	78,42
Минимум	85,10	Див. доход	-		

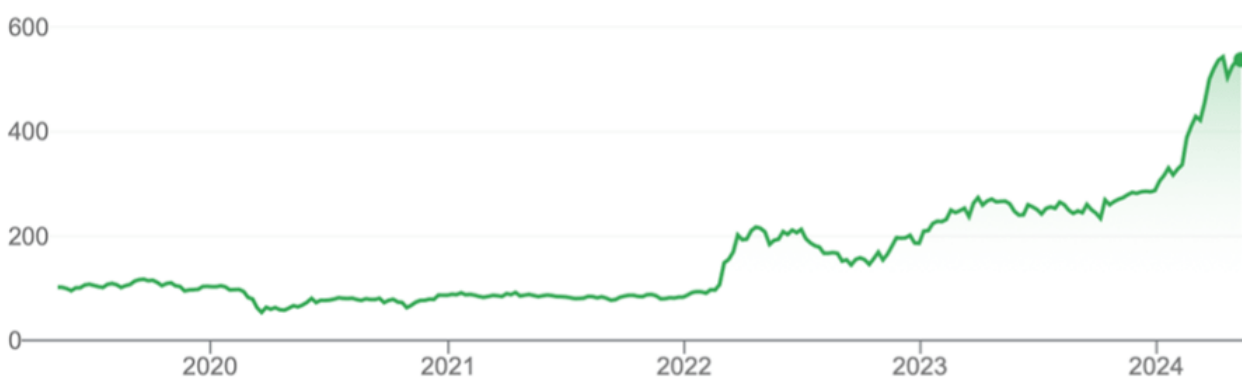
Котировки > Rheinmetall

536,60 EUR

+434,55 (425,82 %) ↑ за 5 лет

3 мая, 17:44 GMT+2 • Отказ от обязательств

1Д | 5ДН | 1МЕС | 6МЕС | С1ЯН | 1ГОД | 5ЛЕТ | МАКС.

Открытие	513,80	Рын. кап.	23,37 млрд	52 нед. макс.	571,80
Максимум	536,60	Цена/приб.	42,95	52 нед. мин.	226,50
Минимум	511,00	Див. доход	1,06 %		

Надо отделять европейское общество от элит. Европейское общество, если не получает ежедневно возрастающую дозу впечатлений, забывает про страдания любого народа, что украинского, что гаитянского, что бабушек в доме престарелых в Бергамо. А элиты не забывают. У элит – это проекты, деньги, заработок.

Тема конфликта сейчас на 100% превратилась в элитную тему и была переформатирована. Сейчас один из ведущих нарративов: Европа должна существенно перевооружиться, чтобы во всеоружии встретить полчища русских (башкир, чеченцев, бурят и так далее), которые неизбежно придут, когда Путин разберется с Украиной.

Именно элиты продолжают нагнетать тему в медийной

повестке. Если послушать риторику политиков, то возникает ощущение, что линия соприкосновения проходит не где-то в районе Авдеевки, а непосредственно на бывшей линии разграничения западной и восточной Германии. И все настолько тонко и настолько все не готовы, что если чуть-чуть Путин надавит, то все рухнет и больше никакой Европы не будет, а будет везде только Россия. И чтобы не допустить этого, нужно дать денег условному «Рейнметаллу».

Деньги выделяются без счета, меры и по чрезвычайной процедуре – машинка крутится. Время от времени европейская несистемная оппозиция вспоминает, что Еврокомиссия закупила вакцин по двадцать порций на условного европейца, а потом большую часть закупок просто списали, буквально вылили в унитаз миллиарды. То же самое ждет и программу «технического перевооружения европейских армий», так сказочно обогатившую Рейнметалл.

Элита – это образованные прагматики

Надо понимать, что действующие европейские элиты – не какие-то наивные люди, от романтизма и чистоты помыслов пошедшие в политику, чтобы реализовать свои завиральные идеи. Так любят абсолютно контрпродуктивно у нас описывать европейцев. Нет – это абсолютные прагматики, получившие образование, помимо Европы, как правило, еще и в Соединенных Штатах, поработавшие в крупных международных консалтинговых компаниях, таких как Accenture или McKinsey, или крупнейших инвестбанках. Часто это дети политиков предыдущих поколений, видевшие как делаются дела на протяжении десятилетий.

Например: Урсула фон дер Ляйен (*председатель Еврокомиссии, – прим. ред.*) или бельгийский премьер Александр Де Кро. Кая Каллас (*премьер-министр Эстонии, – прим. ред.*), перечислять можно долго. Предположить, что эти люди являются добросовестно заблуждающимися или мыслящими нерационально, невозможно. Как можно заподозрить, что Макрон (*Эмманюэль Макрон, президент Франции, – прим. ред.*) нерационален? Мне кажется, его единственная нерациональность в том, что всех остальных совсем за дураков держит. Он настолько надменен и не уважает окружающих, что даже не старается быть по-настоящему убедительным, когда выступает с очередной очень дорогой и «меняющей лицо Европы» инициативой.

Среди элиты нет проигравших

В современной менеджериальной экономике практически нет собственников, которых мы видели ранее – с ответственностью за рабочих, свое дело и так далее. Ты менеджер, и инвестиционный фонд, куда идут твои доходы, инвестирует и в нефть, и в оружие, и в фарму, и в АйТи. Где-то у тебя минус, а где-то – очень большой плюс.

Поэтому, когда говорят и пишут, что «немецкая экономика стагнирует, а немецкий рабочий беднеет» и «никогда немцы не были так богаты как сейчас по стоимости активов» – правда и одно, и другое. Просто речь про разных немцев.

В ковид тоже пострадало огромное количество мелкого и среднего бизнеса, рестораторов, владельцев небольших гостиниц. Владельцы гостиничных сетей тут же перекредитовались под нулевой процент в банках и после выхода из пандемии еще и

докупили себе активы за копейки у разорившихся мелких собственников. Поэтому нельзя сказать, что, например, гостиничный сектор или сектор авиаперевозок или еще кто-то что-то потерял в ковид.

Потеряли, отдельные, как правило мелкие с глобальной точки зрения предприниматели. Капитализм, как справедливо учил Маркс, неизбежно движется к монополизации. В этом отношении и Covid-19, и военные конфликты, и энергетический переход, и революция искусственного интеллекта – при всей кажущейся непохожести есть нормальные капиталистические явления, которые ведут к монополизации капитала за счет разорения и ухода с арены мелких собственников.

В итоге обеднел ли владелец какого-нибудь нефтехимического гиганта Германии, о чем у нас тоже любят сокрушаться? Нет. Он не обеднел и ничем не расстроен. Те, кто управляют и оперируют предприятиями от его имени и в его интересах, безусловно, ничем не расстроены тоже. Они стали только богаче. Рабочие, которых сокращают, вот они, конечно, могут расстроиться. Но кому они интересны. Навык представительства собственных интересов делегирован «институтам» – партиям, властям, медиа, судам. А у институтов сейчас другие задачи.

У европейского обывателя нет институциональной возможности сопротивляться

У европейского обывателя есть определенное доверие к

государству. Люди действительно верят, что у них демократии, что есть какие-то права и что их не будут сознательно обманывать их начальники.

Если у нас арестовывают замминистра обороны по стройке, нам даже объяснять ничего не надо, мы сами можем рассказать, за что его арестовали. Если в Германии арестуют замминистра обороны по стройке, то для народа это будет большой шок: «Как же такое возможно в условиях демократии? Он прошел столько стадий отбора, процесс демократической конкуренции, за него голосовали люди. У него такая важная работа, что могло с ним произойти?».

И система вовсе не хочет подрывать доверие граждан разного рода срыванием покровов. Министр здравоохранения Германии Йенс Шпан в свое время стал героем газетных публикаций – у него в ходе пандемии Covid-19 появились объекты дорогостоящей недвижимости в Берлине на миллионы евро. Газеты начали задавать ему вопросы и получили судебный запрет, потому что нарушали его право на частную жизнь.

Сейчас этот же Йенс Шпан призывает больше вкладывать денег в вооружение, считая, что нынешнее правительство недостаточно хорошо воюет. Похожая история с Грантом Шаппсом – министром обороны Великобритании и ястребом из ястребов, который участвовал во всех проектах Британии в области «ковид-треккеров» и систем IT-контроля эпидемии, реализация которых привела к бесполезному списанию 40 что ли миллиардов фунтов стерлингов.

Институты выстроены так, что у европейцев нет институциональной возможности противостоять поветкам элит. «Подконтрольность обществу»,

«СМИ – ночной сторож» и прочие хорошие идеи и практики – в прошлом. Не существует инструментов трансформации своего недовольства, гнева или своего образа будущего в политические решения и в продвижения своей повестки, если твой гнев или твои предложения лежат вне русла основного нарратива, продвигаемого элитами.

При этом доминирующий нарратив элит даже никого не пытается обманывать. Элиты говорят, что «мы будем бороться с Путиным и все будем от этого страдать экономически» так же, как четыре года ранее – «Борьба с ужасающей пандемией сделает нас всех беднее, но спасение жизней важнее всего».

Сегодня они борются с Путиным, и все от этого, как это было обещано, страдают экономически. Они не обещали, что от борьбы с «экзистенциальной угрозой России» кому-то станет хорошо. Они обещали, что от борьбы с Россией каждому фермеру будет становиться все хуже и хуже, но зато борьба эта позволит европейцам «сохранить свой образ жизни и ценности». В этом прелесть момента. Они делают то, о чем говорят.

В этом отношении с ними тяжело справиться тем, кто с ними не согласен. Возникает ощущение беспомощности. Нет момента политического обещания: «Мы будем действовать в ваших интересах, чтобы в котелке каждого француза была курица, чтобы каждый немец ездил на своем автомобиле». Такого вообще нет. Все официальные политические обещания, с чем люди идут на выборы, звучат: «Вы будете жить только хуже, и мы вам в этом поможем».

Обещания хорошей жизни или социальных каких-то преференций больше не являются доминирующим политическим нарративом. А соответственно «нарушение обещаний» вообще и снижение уровня

жизни в частности не становится поводом для прихода к власти неких новых людей, вооруженных новыми концепциями или повестками. Англичане смеются, что некоторые позиции нового руководства лейбористов и соответственно будущего правительства Великобритании по вопросам социального обеспечения и прав трудящихся – полностью совпадают с таковыми у самого правого крыла консерваторов. В этом отношении совершенно не важно, кто формально замещает должность премьер-министра Великобритании – Риши Сунак или Кир Стармер. На характеристики экономической, социальной, международной или военной политики страны это не повлияет никак. Примерно то же самое во всех европейских государствах.

И это важнейший поворотный момент истории европейской демократии.

Правые популисты – ворчуны без перспективы

Можно ли через грядущие выборы в Европе конвертировать недовольство, которое скапливается на низовом уровне, в изменения партийной или идеологической структуры Европарламента?

С одной стороны, есть оптимистичное мнение, что сейчас европейцы проголосуют за правых популистов, про которых и обыватели, и элиты говорят, что они придут, наладят сотрудничество с Путиным и пустят под хвост все идеи современной Европы.

Но по факту мы видим сейчас, например, выборы в Португалии, где правые популисты набрали 20%, став третьей партией. Их не пустили не то, что в правительство, им вообще никак не дали поучаствовать в формировании органов власти. В итоге партией, единолично сформировавшей правительство, является партия, набравшая на выборах 28% голосов, а формально в оппозиции находится партия, набравшая те же 28% голосов. Что для нас, политологов, с точки зрения представлений о парламентской системе является странным. Но сейчас наступает такое время, что это нормально. Люди договариваются управлять по очереди. Делают что правые, что левые – одно и то же.

Что мы видим в Нидерландах? Рютте (бывший премьер-министр) ушел в отставку год назад. Как зовут премьер-министра Нидерландов на сегодняшний день? Удивительным образом, Рютте. Выборы прошли в сентябре, люди проголосовали совершенно определенным образом. Однако в коалицию с партией, занявшей первое место, никто не пошел, и Рютте исполняет обязанности, пока его не сделают главой НАТО. А если его не сделают-таки главой НАТО, об этом тоже идут разговоры, то тогда он просто останется исполнять эти обязанности, назначат новые выборы, и он снова, если захочет, станет главой Нидерландов.

Что мы видим в Италии? Мы видим Джорджу Мелони (*Джорджа Мелони – председатель Совета министров Италии, прим. ред.*), которая якобы тоже была правой популистской и которая на ниве тех самых страхов, гнева и обещаний стала-таки премьер-министром. Сейчас она стала человеком года «Политико», вошла в топ-сотню «Тайм». Везде у нее одна и та же номинация. Она фактически обманула своих избирателей, став лояльным проводником идей в Брюсселе. «Какая она молодец, а мы от нее такого не ожидали и боялись, что она европейскую стабильность порушит, вот ей приз» – примерно так это формулируется.

Мы видим, что в Германии идет кампания травли наиболее опасной, по общему мнению, популистской силы AfD. И что делают европейские «коллеги» AfD? Они фактически присоединяются к этой кампании, выгоняют AfD из право-популистской фракции «Идентичность и демократия» в Европарламенте, заявляют о невозможности сотрудничества с ней в новом составе Европарламента и так далее.

Теоретически, правые популисты способны собрать под 30% и сформировать по крайней мере вторую фракцию в новом составе ЕП и оказать определяющее влияние на формирование следующего состава Еврокомиссии, а практически сами «правые популисты» предпринимают все возможные усилия, чтобы этого не произошло. Чтобы фракций было много маленьких и слабых, чтобы самая боевая их часть осталась в максимальной изоляции.

Забавно, но крупнейшие европейские правопопулистские партии полностью поддержали т.н. «политику брандмауэра» в отношении AfD, реализуемую правительством Германии и ее основными политическими силами и заключающуюся в запрете на любое взаимодействие с партией со стороны системных политиков и организаций.

Правые популисты выполняют важную роль в системе – канализация голосования недовольных. Но конвертация голосов этих недовольных хоть во что-то реальное – вне сферы их интересов и отведенной для них роли. И надеяться на изменение политики после выборов в ЕП крайне наивно.

.

Претензий на европейский суверенитет нет

Отношения Европы и США завязаны на общих интересах. Более того, в Европе открыто заявляется, что без Америки никуда, что именно Америка гарантирует европейскую безопасность и что нужно быть надежным, пусть и младшим, партнером Америки. Достаточно легко проглатываются экономические дискриминационные меры США в отношении Европы, вроде байденовского «Закона о противодействии инфляции», достаточно охотно подхватываются американские повестки, мало связанные с европейскими интересами – вроде воинственной антикитайской повестки.

Сама повестка перевооружения Европы формулируется не как повестка настоящего суверенитета, а в рамках и контексте партнерства с США. «Как не сразу пропасть, если Америка нас отвергнет, но приложить все усилия, чтобы Америка нас не отвергла? Для этого нужно самим быть сильными, вооруженными и показывать Америке, что мы ценный их партнер и союзник!» – так это формулируется.

Да, в СМИ и среди оппозиционных политических сил идет традиционная дискуссия о том, как Америка Европу «обижает». С обязательно звучащей позицией, что «и правильно она нас обижает, дураков, потому что мы не можем за свои интересы постоять. Нам надо еще больше оружия, еще больше милитаризма, еще больше военных баз – и тогда американцы увидят, какие мы молодцы, и перестанут на нас обижаться и нас обижать».

Атлантическое единство видится европейским элитам даже большей священной коровой, чем единство европейское. Ничего похожего на ситуацию 70-х-80-х годов с антивоенными протестами, расколом обществ по поводу НАТО 50 на 50 и блокированием американских военных баз нет и не предвидится.

Претензий на какой-то большой европейский суверенитет нет. Даже разговоры про европейский суверенитет идут скорее через желание внутри западного мира соответствовать масштабу американского величия. Элиты Европы тесно связаны с США и через собственный жизненный опыт (образование, трудоустройство), и через экономические интересы.

Если Урсула фон дер Ляйен – один из самых проамериканских политиков в Европе – сохранит свою позицию (а шансов на то, что кто то сможет бросить ей вызов исчезающе мало), то «атлантический вектор» для ЕС будет зацементирован на годы вперед.